

СКРОМНЫЙ ЧЕСТОЛЮБЕЦ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕУДАЧИ БАРОНА МОДЕСТА КОРФА

А.О. Захаров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Zakharov_anton@mail.ru

Аннотация. В 1811 г. среди первых учеников Царскосельского Лицея, основанного Александром I в целях подготовки крупных государственных деятелей, оказался сын сенатора Андрея Корфа Модест (1800–1876). Ему предстояло провести шесть лет среди сверстников и в почти полной удаленности от внешнего влияния: Лицей был учебным заведением закрытого типа. Вместе с Модестом учились гениальный Пушкин, будущие канцлер Российской империи Горчаков, декабристы Пущин и Кюхельбекер, поэт и издатель Дельвиг, адмирал Матюшкин... Из всех лицеистов первого выпуска в правление Николая I Корф сделал наиболее впечатляющую карьеру. Начав службу в министерстве юстиции, продолжив ее под началом Е.Ф. Канкрин, а затем во Втором отделении Собственной его императорского величества Канцелярии при М.М. Сперанском во время подготовки грандиозных Свода законов Российской империи и Полного собрания законов Российской империи, Корф уже в 1831 г. стал управляющим делами Комитета министров. С 1834 по 1843 г. он был государственным секретарем Российской империи, а затем – членом Государственного совета. В 1849–1861 гг. он служил директором Императорской публичной библиотеки. Незадолго до смерти Николай I пожаловал Корфа в действительные тайные советники – чин II класса «Табели о рангах», равный полному генералу на военной службе. В статье на основе дневников Корфа рассказывается о его неудачной попытке стать министром юстиции. Корф оказался заложником, с одной стороны, должности, с другой – репутации. Желание не казаться императору Николаю I «заносчивым» привело Корфа к чрезмерной угодливости и раболепию.

Ключевые слова: Российская империя, XIX в., бюрократия, Модест Корф, Государственный Совет, министр юстиции

Самолюбие и самонадеянность барона Корфа отметил еще наблюдатель в Лицее¹. Модест Андреевич Корф (1800–1876), однокашник великого Пушкина, сделал по меркам своей эпохи головокружительную карьеру, став в сорок два года членом Государственного совета Российской империи. До этого Корф служил управляющим делами Комитета министров (1831–1834) и государственным

Захаров Антон Олегович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, заместитель главного редактора журнала «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность».

¹ Цит. по: Долгих 2006, 14–15.

секретарем империи (1834–1843). Но у него, по отзывам современников, была и неосуществленная мечта: он очень хотел стать министром. Об этом свидетельствуют как современники, среди которых А.В. Никитенко и А.Н. Веселовский, так и сам барон. Светская молва прочила Корфа в министры юстиции (в 1839 г.), народного просвещения (в 1849 г.), а государь император Александр II предложил ему возглавить министерство цензуры (в 1859 г.), но до учреждения сего ведомства дело так и не дошло. В памяти потомков Корф остался в первую очередь директором Публичной библиотеки (ныне – Российской национальной библиотеки), которую он превратил в одну из лучших библиотек Европы и неисчерпаемый источник и хранилище сведений о России, благодаря собираемой по его почину коллекции книг «Россика». Директорствовал Корф с 1849 по 1861 г.²

Рис. 1. Корф в молодости

Что же помешало барону Корфу получить вожаемое кресло, а вместе с ним – и право личного доклада императору? Благодаря публикациям дневника Корфа, подготовленным И.В. Ружицкой³, приоткрывается завеса над святой святых бюрократии – процессом принятия решений и кадровой политикой самодержавия⁴. Хорошо известно, что Николай I редко менял министров: по словам Корфа, сие происходило только если убедятся в полной неспособности чиновника, «а эти опыты бывают долготерпеливы»⁵, почему долгие годы во главе морского министерства оставался бездарный Александр Степанович Меншиков, министерства иностранных дел – долгожитель российского политического Олимпа и проводник австрийского влияния в России Карл Васильевич Нессельроде, а министерства путей сообщения – «светило русского взяточничества» Петр Андреевич Клейнмихель. Должность министра юстиции с 1839 по 1862 г. занимал непробиваемый реакционер Виктор Никитич Панин, который во время подготовки крестьянской реформы 1861 г., находясь во главе Редакционных комиссий, сделал все возможное, чтобы реформа была максимально выгодна помещикам. Однако до его назначения одним из претендентов на кресло министра юстиции был Модест Корф.

С формальной точки зрения, в 1839 г. преимуществом Панина была его должность – заместитель министра юстиции. В то время, после кончины выдающегося реформатора и законоведа Михаила Михайловича Сперанского, министерство

² Биография М.А. Корфа с акцентом на его библиотечной деятельности: Голубева 1995.

³ Корф 2004, 2010, 2017.

⁴ Мироненко 1990.

⁵ Корф 2004, 403 (запись от 21 декабря 1843 г. (2 января 1844 г.)).

юстиции возглавил Дмитрий Николаевич Блудов, а департамент законов Государственного совета – Дмитрий Васильевич Дашков, ранее, с 1832 по 1839 г. занимавший пост министра юстиции. Именно он и позвал Панина к себе в товарищи (в тогдашнем языке это было официальным наименованием должности заместителя). Но неожиданно для многих, в первую очередь – для самого себя, Дмитрий Васильевич опасно занемог, а потом и скончался 26 ноября (8 декабря). Его смертью открылась вакансия председателя департамента законов Государственного совета, и высшее общество по обыкновению принялось гадать, как теперь сложится прavitельственный пасьянс.

Еще в первые дни 1839 г., когда угасал Сперанский, по выражению Корфа, «светило русской администрации», свет видел в Корфе кандидата в министры юстиции. И не без оснований. Корф записал свой разговор с председателем Государственного совета князем Илларионом Васильевичем Васильчиковым от 18 (30) октября 1839 г.:

«Вчера я объяснялся с Васильчиковым насчет слухов о моем перемещении. Он принял вид, будто бы до него ничего еще не доходило, хотя это едва ли вероятно. После уверений моих, что я с моей стороны нисколько не содействовал распространению подобного слуха и что я весьма доволен и нынешним моим положением, князь отвечал почти со слезами, что всякое мое перемещение было бы для него ударом: ибо решительно не может представить себе, кем и как меня заместить, но что при всем том, он, конечно, никогда не стал бы противиться моему повышению и готов бы был ему содействовать для личной моей и общей пользы, что Блудов и прежде желал, и теперь желает иметь то место, какое занимает Дашков, считая себя отличным редактором и юристом, но едва ли его желание исполнится, что, напротив, при смерти Сперанского мысль Государя была заменить его или мною, или графом Паниным, но последний не имеет никаких к тому данных, что, впрочем, Дашков нисколько не подозревает своего положения, и хотя за его болезнью все дело стало, однако едва ли захотят огорчить его какими-нибудь мерами прежде, чем это его положение совсем решится, наконец, что во вчерашнем свидании князя с Государем обо всем том покамест совсем не было еще речи. На это я заметил, что место Дашкова нимало не соответствует моим склонностям и вкусам и сколько посему, столько и по недостатку высших теоретических познаний я бы никак не согласился его принять, а к тому же тут и дело чувства: старик Балугьянский⁶ многие годы был моим добрым начальником, и сердцу моему крайне трудно и даже прискорбно было бы поменяться с ним вдруг ролями. После разных возражений, основанных более на том, кем же заместить Дашкова⁷, потому что ни Блудова, ни Панина нельзя признать достойными его преемниками, князь сказал мне, что во всяком случае очень рад нашему объяснению: “По крайней мере, – прибавил он, – зная теперь нежелание Ваше принять эту должность, я воздержусь от всякого напоминания Государю о прежней его мысли: ибо, иначе думая сделать Вам приятное, я мог бы Вам, напротив, при Вашей точке зрения, повредить”. Я кончил эту беседу тем, что должность министра юстиции, конечно, была бы для меня весьма лестна, но что если бы имелось в виду какое-нибудь

⁶ Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847) – государственный деятель, законовед, первый ректор Петербургского университета, в 1826–1847 гг. начальник II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии.

⁷ Выделено М.А. Корфом.

другое мое перемещение, то я лучше всего желал бы сохранить теперешнее мое положение»⁸.

Свидетельство Корфа весьма показательно. У Николая I была мысль переместить Корфа на место Сперанского, хотя из текста не вполне ясно, назначался ли он в департамент законов или становился министром юстиции. Но Корф очень боялся создать себе репутацию «искателя», т.е. искателя почестей и чинов. Въедливый читатель, конечно, задаст вопрос, есть ли основания считать, что Корф хотел быть министром юстиции, ибо цитированный разговор сему противоречит. Но на этот счет есть у Корфа другая запись, от 18 (30) декабря 1839 г.:

«Угадчица наша публика разгадала нынче только *часть* перемен по случаю смерти Дашкова, так точно как расчеты ее сбылись только *вполовину* и при смерти Сперанского⁹. Место Дашкова получает Блудов, а место последнего – гр. Панин... Панина, разумеется, нечего было уговаривать, и его самоуверенность не нашла надобности маскироваться. Люди близкие называют его назначение “une carpiçe, une fantaisie de l’Empereur” [капризом, фантазией императора]. Мои личные надежды или, лучше сказать, предсказания на мой счет публики разлетелись как прах, и я не скрою о том сокрушения: это одно министерство, которое льстило моим видам, подобного случая уже не откроется, и следственно моя служба решена: или оставаться вечно госуд<арственным> секретарем, или кончить званием члена Совета! Я не имел прямых надежд, но при скудости нашей в людях считал себя в некоторых правах, особенно по сравнению с Паниным, и как нисколько бы не скорбел, если б министерство поручено было человеку старше и выше меня летами, званием, заслугами, достоинствами. В самом деле не нужно других доказательств *decadence* [упадка] нашего времени, как эти два замещения: Блудов на место Сперанского и Панин на место Дашкова!¹⁰».

Таким образом, Корф сам закрыл себе дорогу по служебной лестнице: вместо того, чтобы просить Васильчикова о содействии своему продвижению или вообще не затевать никаких объяснений с председателем Госсовета, барон озвучил свой

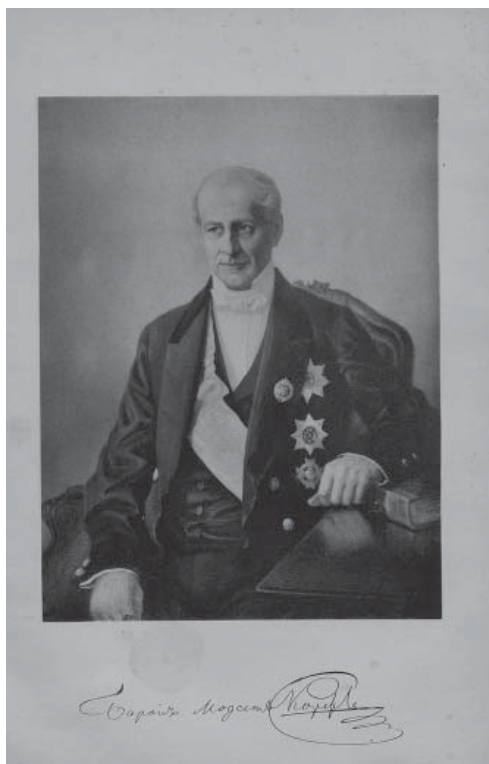

Рис. 2. Корф с орденами

⁸ Корф 2010, 460–461.

⁹ Выделено М.А. Корфом.

¹⁰ Последнее предложение зачеркнуто М.А. Корфом. См.: Корф 2010, 498–499. В записи от 11 (23) июня 1838 г. Корф отметил, что он «не совсем был бы бесполезен» в двух министерствах: «юстиции и народного просвещения» (там же, с. 135).

отказ от министерского кресла. Об этом он сам потом и сокрушался, испытывая к Панину, по словам своей жены, «следы “fiel” [желчи]»¹¹, а по сути – зависть.

Такое поведение было характерно для Корфа. 9 (21) марта 1839 г. он записал свой разговор с министром финансов гр. Канкриным:

«В городе и во всех классах, даже в его канцелярии разнесся нелепый слух, будто бы меня назначают товарищем министра финансов: я счел долгом с ним откровенно об этом объясниться и отвратить всякое сомнение насчет того, что подобный вымысел идет от меня или от моих приверженцев: министерство финансов я всегда считал и теперь считаю *вне круга моих желаний*, потому что несколько не чувствую себя приготовленным и способным к этой части управления, а быть товарищем какого бы то ни было министра я признаю, и, вероятно, все признают, ниже теперешнего моего звания»¹².

Когда же 4 (16) декабря 1840 г. кн. Васильчиков сам завел речь о служебном будущем Корфа, тот снова повторил отказ от любого перемещения с должности государственного секретаря, что доставило председателю Госсовета «неожиданную радость»¹³. Корф прекрасно понимал, что «сам добровольно закрыл себе теперь *последний* исход... карьеры» и что обречен стать членом Госсовета «несколькими только годами *позже*». Честолюбие проиграло маске скромности.

Отчего же Корф избрал именно эту маску – показной скромности? Ведь она нанесла сокрушительный удар всем его надеждам, в чем он и сам был уверен. По-видимому, Корф оказался заложником двух обстоятельств. Во-первых, он знал мнение о нем Николая I: «Корфа надобно держать в руках: он заносчив»¹⁴ – и прикладывал все силы, чтобы сгладить это впечатление. Стремление к похвалам и признанию со стороны императора простиралось у Корфа до такой степени, что он мучительно переживал любую холодность государя при личных встречах и радовался тому, как его сын Модя «кланяется» императору, и тому, что его самого император заставил отвесить «шутя, низкий поклон»¹⁵! 14 (26) апреля 1840 г., на Пасху, острую зависть барона вызвало то, что Панина «Государь заставил его целовать себя еще третий раз, пожал ему руку и сказал несколько приветливых слов. Но на мою долю досталось только два форменных поцелуя и холодный, полутвороченный взгляд»¹⁶.

Во-вторых, Корф по должности государственного секретаря должен был бесстрастно излагать противоречивые, а подчас противозаконные или недостойные (в его глазах) мнения членов Государственного совета. Ему приходилось лавировать между сильными партиями, угождая членам Государственного совета при изложении их различных взглядов. То есть Корф по своему положению не мог ни с кем ссориться, чтобы не нажить себе влиятельных врагов, которые могли бы погубить его карьеру. Он сознавал, что он хороший редактор, в чем ему отдавали должное и современники. Однако хороший редактор – это еще не обязательно хороший министр.

¹¹ Корф 2017, 78.

¹² Корф 2010, 300–301 [выделено М.А. Корфом].

¹³ Корф 2017, 162.

¹⁴ Корф 2010, 35 (запись от 17 февраля (1 марта) 1838 г.).

¹⁵ Цит. по: Долгих 2006, 133, событие относится к 1848 г.

¹⁶ Корф 2017, 83.

Итак, Корф попал в двойную ловушку – должности и репутации. Когда же он по назначении членом Госсовета стал высказывать свое мнение, не совпадавшее подчас со взглядами Васильчикова, то это вызвало острое негодование последнего¹⁷. Корф с годами становился все более «изворотливым в ведении дел», отличался «прилаживанием к чужим взглядам и неустойчивостью собственных убеждений», по словам военного министра времен Александра II Дмитрия Александровича Милютина¹⁸. О той же черте Корфа, но с гораздо большим отрицательным зарядом, писал Александр Иванович Герцен в критическом разборе книги барона о восстании декабристов 14 декабря 1825 г. «Письмо к императору Александру II» (20 сентября 1857 г.):

«Прежде чем мы займемся безграмотным текстом, отгалкивающим по своему тяжелому, татарскому раболепию, по своему канцелярскому подобострастью, по своей униженной лести, не достойной ни нашего времени, ни вашего царствования, мы решаемся обратиться к вам лично, для того чтоб сказать несколько слов о заговоре, который окончился 14 декабря 1825 года»¹⁹.

Критический отзыв Герцена настолько задел Корфа, что тот счел необходимым оправдаться перед императором, направив ему специальное письмо, и написал письмо самому Герцену, оставшееся неопубликованным. В милостивой резолюции Александр II посоветовал Корфу на мнение Герцена «плевать»²⁰.

Однокашник Корфа декабрист Иван Иванович Пущин выразил свое мнение о книге в письме другому декабристу – Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу от 23 мая (4 июня) 1857 г.: «Убийственная раболепная лесть убивает с первой страницы предисловия»²¹. В глазах же самого Корфа его поведение отличалось лишь необходимой в придворной жизни «почтительностью».

Удивительно, насколько одни и те же действия человека могут быть по-разному восприняты окружающими. Чувство собственного достоинства, отличавшее еще одного лицеиста первого выпуска – Александра Михайловича Горчакова, казалось Корфу «характером самым заносчивым, самым неприятным, самолюбием, не знающим никаких пределов»²². Самого же себя Корф заносчивым не считал и, по-видимому, им не был. А вот приспособленцем и карьеристом – был.

ЛИТЕРАТУРА

- Герцен, А.И. 1958: *Собрание сочинений*: в 30 т. Т. 13. *Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 годов*. М.
- Голубева, О.Д. 1995: *М.А. Корф*. СПб.
- Долгих, Е.В. 2006: *К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов*. М.
- Корф, М.А. 2004: *Дневник. Год 1843-й*. М.
- Корф, М.А. 2010: *Дневники 1838 и 1839 гг.* М.
- Корф, М.А. 2017: *Дневник за 1840 год*. М.

¹⁷ Корф 2004, 316 (запись от 17 (29) октября) 1843 г.).

¹⁸ Милютин 1949, 8.

¹⁹ Герцен 1958, 35.

²⁰ Цит. по: Голубева 1995, 87.

²¹ Пущин 1989, 359.

²² Корф 2010, 419 (запись от 17 (29) августа 1839 г.).

- Милютин, Д.А. 1949: *Дневник*. Т. 2. 1876–1877. М.
 Мироненко, С.В. 1990: *Страницы тайной истории самодержавия*. М.
 Пушкин, И.И. 1989: *Записки о Пушкине. Письма*. М.

REFERENCES

- Herzen, A.I. 1958: *Sobranie sochineniy: v 30 t. [Works: Vol. 1–30]*. Vol. 13: *Stat'i iz "Kolo-kola" i drugie proizvedeniya 1857–1858 godov [Articles in "The Bell" and other works of 1857–1858]*. Moscow.
- Golubeva, O.D. 1995: *M.A. Korff [M.A. von Korff]*. Saint Petersburg.
- Dolgikh, E.V. 2006: *K probleme mentaliteta rossiiskoy administrativnoy elity pervoy poloviny XIX veka: M.A. Korff, D.N. Bludov [On the problem of the Russian administrative elite's mentality in the first half of the 19th century: M.A. von Korff and D.N. Bludov]*. Moscow.
- Korf, M.A. [Korff, M.A. von], 2004: *Dnevnik. God 1843-i [A diary. The year 1843]*. Moscow.
- Korf, M.A. [Korff, M.A. von], 2010: *Dnevniki 1838 i 1839 gg. [The Diaries of 1838 and 1839]*. Moscow.
- Korf, M.A. [Korff, M.A. von], 2017: *Dnevnik za 1840 god [A diary. The year 1840]*. I.V. Ruzhitskaya (red.). Moscow.
- Milyutin, D.A. 1949: *Dnevnik*. Т. 2. 1876–1877 [*The Diary*. Vol. 2. 1876–1877]. Moscow.
- Mironenko, S.V. 1990: *Stranitsy taynoy istorii samoderzhaviya [Pages of the secret history of Autocracy]*. Moscow.
- Pushchin, I.I. 1989: *Zapiski o Pushkine. Pis'ma [Notes on Pushkin. Letters]*. Moscow.

LOWLY MAN OF GREAT AMBITION: A FAILURE BY
 BARON MODEST VON KORFF

Anton O. Zakharov

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
 Zakharov_anton@mail.ru

Abstract. Baron Modest Andreevich von Korff (1800–1876) was a classmate of Russian greatest poet Alexander Pushkin. He had made his career up very quickly and turned the State Secretary of the Russian Empire when he was just thirty-three. In 1843, he was appointed a member of the State Council of the Russian Empire. However, he had strong desire to be a minister. Russian high society believed von Korff would have been a minister on several occasions. He was a candidate to minister of justice in 1839, to minister of public education in 1849, and to minister of censorship in 1859.

Von Korff kept diaries from 1838 to 1852. Few of his diaries have been published in Russia during the last years. Von Korff's diaries shed light on the backstage of the Russian bureaucracy and on the Emperor Nickolas I's decision-making process.

The article deals with von Korff's first failure in his scramble to the ministerial office. His lack of fortune seemingly was a result, on the one hand, of his position as the State Secretary, and, on the other hand, of his reputation as an arrogant man. Such view was held by Nickolas I and was very annoying for von Korff who considered himself shy. Von Korff did struggle with his 'arrogance' and turned to servanthood and timeserving.

Keywords: Russian bureaucracy, 19th century, Modest von Korff, State Council of the Russian Empire, Minister of Justice